

„Мертвые души“

В художественном театре

Слухи о том, что Художественный театр поставил на своей сцене позму Гоголя «Мертвые души», нет, каждый существует сам по себе, не живет, а показывает ее как ценный экспонат музея. Но даже мастерство Художественного театра не может укрыть мертвую статичность такого спектакля, неподвижность образов, их разобщенность, отсутствие отношения между ними. Смешно «пощучать» Художественный театр тому, что движение образов мыслимо только на их отношении друг к другу, что это взаимоотношения, но только при живом ощущении каждого актером идейно-эмоциональной атмосферы спектакля. Когда этого нет, любой актер (хотя бы он был гением) неизбежно снимает свое мастерство.

Это особенно ясно видно на центральном образе позмы — на образе Чичикова, который делает такой тонкий и вдумчивый актер, как Топорков. Чичиков Гоголя и Чичиков Топоркова — как они далеки друг от друга!

Чичиков у Гоголя живет интенсивной жизнью. Это — талантливый приспособленец, полный энергии, активности, величайшей жизненной ценности, «приобретающей, хозяин». Гоголь указывает на него своим Тентентниковым и Платоновым, тем Тентентниковым и Платоновым, которые в образах Пушкина и Лермонтова представляют «героями нашего времени». Онегины и Печоринами, — говорит он: будьте, как Константина! Поэтому что — видите! — идут Чичиковы — те Чичиковы, о которых правильно писал Н. Г. Чернышевский: «Англичане мало расположены к маниловщине, как народ сухой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными пределками!» — идут

Шарж Э. Мордилловича

ТОПОРКОВ — ЧИЧИКОВ

Чичиковы, в которых не мог не чувствовать Гоголь поступательное движение новой общественной формации, выходящей из недр старой — будь чутки к этой формации, будьте активны в эту «решительную и священную минуту», когда приходится спасать свое отчество (речь генерал-губернатора) — спасать «не от нашествия двадцати иностранных языков, а от нас самих» — от «нашей» неспособности примениться к действительности, — взять в свои руки ход исторического процесса — «спасение отечества» — от «нашей» маниловщини, ноздревщины, плюшкинства, от «нашей» пассивности, от «нашей» тихонько и — конец «позмы»!

Разумеется, автор и режиссер делали спектакль вовсе не для того, чтобы оправдать — задним числом! — отзывы о Гоголе Полевых, Брамбусов и прочих! Но такой эффект получился у них в результате той операции, которую они проделали над позмой Гоголя; операция состоит в том, что с позмы снята ее самая верхняя, тончайшая корка — авантюрная фабула и положена в основу спектакля, к ней присоединены показания — оправдательные сенции Чичикова, перенесенные из его разговора с Муравьевым во второй части «Мертвых душ», причем логика композиции булгаковской позмы такова, что именно на эти сенции Чичикова падает основной идейно-эмоциональный упор всего спектакля. Так и получается, что основная «идея» спектакля, «пафос» его, состоит в оправдании той истини, что «Чичиковы — че-ловеки!»

Могло ли получиться из указанных элементов художественного цеха, мог ли родиться конкретный образ спектакля, в котором жила бы конкретная идея?

Шарж Э. Мордилловича

Т. РАХАНОВ — СОБАКЕВИЧ

Конечно, нет! Итак, Художественный театр, всегда в своей работе исходящий именно из идейного существа художественных произведений, взялся строить спектакли, лишенной идейной основы!

Однако на Художественном театре все, что он делает, интересно и поучительно: даже его неудачи. Поучительность «Мертвых душ» состоит в том, что поскольку бездействие явилась предпосылкой спектакля, постольку логически неизбежной оказалась ставка на актерское мастерство как на самоцель, и именно поэтому актерское мастерство, громадное само по себе, оказалось неизбежно снижен-

актеры в этом спектакле не могут чувствовать себя участниками и строителями единого художественного целого — каждый из них строит свой изолированный образ, пытаясь исходить не из булгаковской позмы, а из самой позмы Гоголя, очень мало сообразясь с другими образами. Как актер может определить свое отношение к другим персонажам, если он не знает, не ощущает идей спектакля? И только поистине совершенно измитальное мастерство Художественного театра может на время создать иллюзию общения персона-

жей между собою: никакого органического общения между ними нет, каждый существует сам по себе, не живет, а показывает ее как ценный экспонат музея. Но даже мастерство Художественного театра не может укрыть мертвую статичность такого спектакля, неподвижность образов, их разобщенность, отсутствие отношения между ними. Смешно «пощучать» Художественный театр тому, что движение образов мыслимо только на их отношении друг к другу, что это взаимоотношения, но только при живом ощущении каждого актером идейно-эмоциональной атмосферы спектакля. Когда этого нет, любой актер (хотя бы он был гением) неизбежно снимает свое мастерство.

Это особенно ясно видно на центральном образе позмы — на образе Чичикова, который делает такой тонкий и вдумчивый актер, как Топорков. Чичиков Гоголя и Чичиков Топоркова — как они далеки друг от друга!

Чичиков у Гоголя живет интенсивной жизнью. Это — талантливый приспособленец, полный энергии, активности, величайшей жизненной ценности, «приобретающей, хозяин». Гоголь указывает на него своим Тентентниковым и Платоновым, тем Тентентниковым и Платоновым, которые в образах Пушкина и Лермонтова представляют «героями нашего времени». Онегины и Печоринами, — говорит он: будьте, как Константина! Поэтому что — видите! — идут Чичиковы — те Чичиковы, о которых правильно писал Н. Г. Чернышевский:

«Англичане мало расположены к маниловщине, как народ сухой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными пределками!» — идут

Шарж Э. Мордилловича

МОСКВИН — ПОЗДРЕВ

Чичиков «человек?» Неужели мы должны брать у Гоголя пустяки, христианские безделушки, а не суть его творчества?

Мы потому так подробно, насколько это возможно в рамках газетной статьи, остановились на образе Чичикова, что здесь нагляднее всего вскрывается и порочность всего спектакля и связанные с ним снижение актерского мастерства. Раз Чичиков не общается с другими персонажами, не приспособляется к ним, не очаровывает их, а существует сам по себе и существует вне ее, «физически», — и винтирует (как выражается К. С. Станиславский в своей гениальной книге «Моя жизнь в искусстве»), значит и весь спектакль не живет, значит, не действует его основная пружина.

В спектакле нет Гоголя, нет его потому что Гоголь не осмыслен с точки зрения нашей эпохи. На этот раз Художественный театр не показал нам тех величественно-трудных, часто мучительных поисков общей атмосферы, «духов», стиля, лейтмотива художественного произведения поисками того «je ne sais quoi», о котором так замечательно рассказывает в своей книге Станиславский. Тут просто «je ne sais rien» — я не знаю ничего об общей идее, стиле, атмосфере спектакля, — говорят зрители авторы спектакля. Гоголь выходит — включено основное в нем, основной прием его стиля, образующий его «душу», выпал из спектакля.

Он определял хозяйствственные центры стран.

По его мнению центр России передвигался к югу и должен был быть где-то у Харькова. Но в Харькове элемент менделеевской системы не был предусмотрен: в Харькове были украинцы.

Передвижение хозяйственной жизни к югу, однако, существовало.

В разметках Маяковского, которы

и он сделал на книгах молодых поэтов, видна эта консервативная роль балладного лада.

Победа содержания в стихах одновременно сузила содержание.

III.

Очень сложно следить, как литературные формы переживают явления, их создавшие, как и почему они осваиваются новыми культурами.

Стих футуристов не был сюжетным стихом.

Замена сюжета — стиха, дающего разрешение иного порядка, тоже не определяет его.

Сюжет русские поэты учились

на Западе, учились в заморцах.

Гоголь, писавший в своем

спектакле, — говорят зрители авторы спектакля. Гоголь выходит — включено основное в нем, основной прием его стиля, образующий его «душу», выпал из спектакля.

Поражения и победы,

II.

Очень сложно следить, как ли

тературные формы переживают явления, их создавшие, как и почему они осваиваются новыми культурами.

Стих футуристов не был сюжетным стихом.

Замена сюжета — стиха, дающ

его разрешение иного порядка,

тоже не определяет его.

Сюжет русские поэты учились

на Западе, учились в заморцах.

Гоголь, писавший в своем

спектакле, — говорят зрители авторы спектакля. Гоголь выходит — включено основное в нем, основной прием его стиля, образующий его «душу», выпал из спектакля.

Поражения и победы,

IV.

Юрий Олеша детской книги

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

Сильнейший поэт Сельвинский,

так хорошо начавший, потерпев

беду в «Лицее».

Юрий Олеша детской книге

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

Сильнейший поэт Сельвинский,

так хорошо начавший, потерпев

беду в «Лицее».

Юрий Олеша детской книге

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

Сильнейший поэт Сельвинский,

так хорошо начавший, потерпев

беду в «Лицее».

Юрий Олеша детской книге

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

Сильнейший поэт Сельвинский,

так хорошо начавший, потерпев

беду в «Лицее».

Юрий Олеша детской книге

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

Сильнейший поэт Сельвинский,

так хорошо начавший, потерпев

беду в «Лицее».

Юрий Олеша детской книге

«Трех толстиков»

близок к крутым улицам приморской Одессы,

чем в европейской книге «Зависть»

«Три толстика» — это почти альманах.

Ранним Гогоры приходилось

бороться с насилием

и голодом.

КРИТИКА В 1933

Я. МЕТАЛЛОВ

Готовлю работу «Гейне и романтизм» и несколько статей о борьбе литературных группировок в Германии революционного (1848 г.) и предреволюционного периодов (Гернегр, Фрейлингра, «желтый социализм»).

Г. ЛЕБЕДЕВ

В 1933 году хочу написать критическую статью о «Скутареском». Собираюсь написать статью о социалистическом реализме с упором на ряд произведений, в частности на «Ками Самиана» М. Горького. Напишу критическую статью о книге А. Басалога «Россия, кровью умыта». Кроме того, дам ряд статей в «Литературную газету» по текущим проблемам критики.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ

Предполагаю написать о произведениях: «Поднятая целина» М. Шолохова, «Последний из утёсов» А. Фадеева, «Товарищ» Ю. Либединского о прозе Бальбеля, о поэзии Э. Багрицкого «Последняя ночь», о стихах в prose некоторых рабочих-ударников, на мой взгляд, талантливых и многофактурных (Сидоров, Грин и др.) и заслуживающих вдумчивого и серьезного отношения критики не менее, например, чем «Скутареска» Леонова, о новом книге и о новой пьесе К. Колесова «Молодая гвардия».

Темой моих работ эти произведения не потому, что они выдаются в ряд других своих преходствием идеяными или художественными. Пожалуй, в этом смысле можно было бы в текущей литературе выделить произведения более примечательны, и, возможно, более беспророчески. Среди явлений литературы эти произведения выбраны потому, что они вызывают во мне то восторженное соптвчество, без которого уходит критика в получение только рукоятки критики, а не критики.

Моя критическая работа, которую я занеканяла в аварии, связана с общелитературными темами и проблемами, подводящими РАППовскому прошлому, является вступлением к разрешению поставленных решением ЦК партии перед критикой задач.

Б. АЛЛЕРС

Основная моя работа на этот год — книга о советской драматургии, которой я должна кончить в конце этого года. Я хочу себе задумать прояснить путаницу в советской драме от первых опытов до наших дней. На материале советской драматургии в книге ставятся проблемы драматических жанров, построения сюжетного образа. В основном работа строится на анализе советской драматургии, но с попутными экскурсиями в прошлое истории драмы.

Повествовательный стержень книги, компактно упакованный в обложку композиционной пельтиности, является борьба советского драматурга со сложившимися театральными системами — борьба,ющая своеобразного драматизма. Кроме того, я рассчитывала в этом году напечатать развернутые статьи на темы, которые, по-моему мнению, являются чрезвычайно острыми для сегодняшней драматургии и театра: гипертифия декоративности в современных спектаклях, игровой театр и принцип закономерных и случайных мотивиров в построении новой советской драмы. Эта последняя тема связана с анализом последних пьес Горького («Егор Балуев») и «Достижения».

И, наконец, сейчас я занеканяю монографию о драматургии Файко.

Горюх писателей с прискорбом извещает о смерти писателя

ЯКОВА МАРКОВИЧА

ОКУНЕВА,

последовавший 27 декабря 1932 г.

в гор. Петропавловске.

В. Ермилов

«Мертвые души» в художественном театре

Критики и исследователи Гоголя говорят о его особом юморе, о «смехе сквозь слезы», — и это определение, несомненно на то, что оно стало уже традиционным, однако подводит нас к основному приему Гоголя. Этот прием, создающий смесь смешного и страшного, состоит в таком «объирывании» пьес, пустынь, пустынек, фантомов эпической реальности, но не «разумной» действительности, в таком разрывании дегадей каждой вещи, каждого пустяка, когда количества этих дегадей пустыков переходит в новое качество, когда сам собою, именно из гиперболизации мелочей, встает художественный образ обобщения всех этих пустыков в ужас пустыков, т. е. сам собою совершается переход в другой, высший план «разумной» действительности, внутренне данный уже в самом развертывании пустыков. Уже в самом развертывании этой лавины, этой массы пустыков внутренне содержится лейтмотив, как, например, в повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем внутренно дал лейтмотив, звучаний в самом конце повести, в пейзаже, написанном специально для его звучания и завершающей фразе: «Скучно на этом свете, господа!»

Выходите из повести этот лейтмотив, «всвободите» ее от его звучания — и вы получите не пошлость, возведенную в спираль соединения, а просто... пошлость. Это операция произведена режиссером «Мертвых душами», и если в спектакле несомненно на это нет способности, то только потому, что слишком уж велико, колоссально, ни с чем не сравнимо мастерство Художественного театра. Но зачем же осуждать это мастерство на прикрытие, выграживание... пустоты? А остается в итоге именно пустота, пустыни, вещи Плюшкина, зевелены сунки, соблюдающие какого-то «параллого» Гоголя, которая, заводя игрушку Коробочка, которая «пужает» зрителя своей мертвенностью, а зрителю не страшно, жал-

Уот Кармон

Последняя литературная

«Сенсация Нью-Йорка»

Чем же было вызвано такое преподобное пастроме?

«Они только что узнали, что здесь введен первый номер первого номера ежемесячной газеты «Американский спектакль» («Американский спектакль»), который, не говоря уже о его славной деятельности по последним два года, теперь живет в Калифорнии — организовать там кампанию за освобождение Тома Муни, не может быть места среди этих дядек, этих литераторов, занимающих, что их орган... не имеет политических убеждений в обычном смысле этого слова; не проводят никаких панам; не отчитываются оружия, готовы к бою не имея своего особого списка запрещенных тем. Он предоставляет все возможности для беспечестивного высказывания индивидуальных убеждений. Каждому писателю предлагается написать о том, что его наиболее интересует в настоящий момент, и каждый писатель сам будет своим редактором. Словом, политика «Американского спектакля» — это не иметь никакой политики, которая могла бы помешать мобилизации наших сотрудников высказывать любое мнение на страницах нашего писательского органа.

Главным редактором «Американского спектакля» является критик Джорджа Жан Натаан, подавший мысль об издании этой газеты, Эрнест Бойд, Теодор Драйзер, Джеймс Кабел и Юджин О'Нейль.

Кроме них в первом номере участвуют Джоэл Вуд Кретс, Хьюелл Эллен, Вильям Брукс, Линдберг Стеффенс, Льюис О'Флаэрти, Фрэнс Симпсон и др., — все имена, хорошо известные в литературном мире Америки и Англии.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее: «В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Одновременно с этим начиная ряд художественно-критических очерков об искусстве сегодняшнего дня. Первонациально я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Одновременно с этим начиная ряд художественно-критических очерков об искусстве сегодняшнего дня. Первонациально я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прошлой неделе, в кабинете одного манхэттенского изданья, я думал делать цикл монографий о художниках того же жанра, что в «Профилах», их второй том.

Таким образом, я начал писать, как я вижу, в своем плане, и, возможно, это было ошибкой, но я не могу сказать, что я ошибся.

«Таймс», ежедневный журнал, который всегда гордится тем, что он — «самая честная газета в мире», пишет следующее:

«В один прекрасный вечер на прош